

**АРМИЯ НАЕМНИКОВ
РОССИИ НЕ НУЖНА**
Контрактники страну от агрессии не спасут

03

**«МАКАРОВА»
СМЕНИТ «БЕРЕТТА»?**

Отечественный ОПК пока не может предложить
силовикам красивый, удобный и надежный пистолет

06

**НАПРАСНЫЕ ЖЕРТВЫ
И НЕОБХОДИМЫЕ
ИНИЦИАТИВЫ**

Конструкторско-производственные перипетии
в советском авиапроме в 1941–1945 годах

10

ТЕМА

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ: ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

«Военно-промышленный курьер» продолжает публикацию выступлений участников дискуссии, состоявшейся на XVIII ассамблее Совета по внешней и оборонной политике и посвященной обсуждению дальнейших перспектив развития нашей страны.

Читайте материалы на стр. 04–05

ВПОЛНЕ СЕРЬЕЗНО

КИНЦО ПОД ВИНЦО

Всю первую декаду мая практически на всех телеканалах страны взрывалось, стреляло, ухало, скрежетало, полыхало – один за другим демонстрировались фильмы про Великую Отечественную. Что ж, дело понятное: как-никак страна отмечала 65-ю годовщину Победы в самой страшной, самой кровопролитной войне не только в своей, но и в мировой истории. Да вот беда: значительную часть показанных по ТВ лент иначе как киноподелками не назовешь – настолько далеки они и от исторической правды, и от того уровня, после которого о фильме можно говорить как о высокохудожественном произведении.

В «лихие 90-е» мастера российского кинематографа о Великой Отечественной войне практически забыли и недавно вернулись к этой теме. Однако по-настоящему качественных фильмов про войну у нас почему-то не получается. Ничего похожего на «Лодку», «Спасти рядового Райана» или хотя бы на «Красавицу Мемфиса». Даже близко не удается подобраться к той планке, которая была установлена советской военной киноклассикой (вспомним хотя бы «Летят журавли», «Балладу о солдате», «На войне как на войне», «В бой идут одни «старики» и другие).

Что тут можно сказать. Откровенно плоха драматургия. Совершенно никчемна сценарная часть. В результате на выходе – явная халтура и разного рода совершенно неправдоподобные истории (каковых на войне быть не могло никогда и ни при каких обстоятельствах) – прямо-таки какой-то непрерывный последний бронепоезд и бесконечные безымянные высоты.

Почему-то абсолютно не получаются батальные сцены. С этим, наверное, надо разобраться отдельно. На фоне тех же документальных кадров, снятых в «сороковых роковые», неправдоподобность боевых эпизодов абсолютно очевидна. Все как-то очень не по-настоящему и донельзя примитивно. В частности, попытка дать ответ на вопрос, в каком фильме у нас достоверно воспроизведен воздушный (морской, общевойсковой, танковый) бой, наверняка закончится загибанием всего лишь одного-двух пальцев (а скорее всего ни одного).

В военных фильмах всегда откровенно хромала и продолжает хромать историческая точность. Причем решительно во всем – начиная от формы одежды и заканчивая вооружением и военной техникой (не говоря уже о более серьезных вещах, связанных с реальными событиями и фактами 1941–1945 годов).

Кстати, если рассматривать некоторые фильмы о Великой Отечественной войне, снятые в 90-х – 2000-х годах, с позиций Уголовного кодекса РСФСР 1926 года, то все они пошли бы по статье 58 пункт 10 – «Антисоветская агитация и пропаганда». Словом, ничего, кроме возмущения, подобные киноленты у подавляющего большинства граждан Российской Федерации вызвать не могут. Это относится и к порожденным буйной фантазией авторов героям-«сволочам», и сказкам про штрафбаты, и прочим «рио-ритмам».

Естественно, давно пора заканчивать изображать врагов, поголовно вооруженных автоматами МР-38/40, разьежающих на танках Т-54/55 (в последних фильмах массовка уже пересаживается на Т-72) или бронетранспортерах БТР-152 и вдобавок с пулеметами Калашникова. Никакая, даже самая убедительная игра актеров совсем не смотрится на фоне якобы немецкой бронетехники и оружия. Наверное, это все равно, как Илье Муромцу в уши наушники от плеера вставить.

И, наконец, следует понять одну простую вещь – чтобы создать хороший фильм, например, о поистине бесстрашных летчиках-штурмовиках (помимо всех остальных составляющих успеха ленты), надо иметь как минимум летающую эскадрилью самолетов Ил-2. И ни при каких потугах не удастся снять качественное кино про подводников, не сделав полноразмерного макета подводной лодки времен Великой Отечественной (а не выдавать за субмарину «Щ» пословенный 613-й проект).

Вожде мирового пролетариата Владимир Ульянов/ Ленин был исключительно прав, говоря, что «...из всех искусств важнейшим для нас является кино». В тех же Соединенных Штатах есть, в частности, несколько фильмов, которые, образно говоря, создали Америку. Наверное, пока подобных произведений про Великую Отечественную войну (за исключением ряда локальных удач) у нас нет. Ничего похожего на современную «Войну и мир» так и не появилось. Зато рождены такие, с позволения сказать, «творения», что поневоле начинаешь думать: видимо, господа «творцы» руководствовались одной-единственной мыслшкой: «Пипл под вино на праздник все съхает».

И последнее. Может, фильмы про войну не удаются по той простой причине, что, как правило, весь съемочный коллектив – от осветителя до режиссера – никогда не служил в армии и тем более не воевал?

ПОДРОБНОСТИ

ВДВ В АРМИИ – НА ПЕРВОМ МЕСТЕ

В командовании Воздушно-десантных войск прошло выездное заседание Комитета Государственной думы Российской Федерации по обороне.

На повестке дня – реализация решения президента РФ о формировании нового облика армии и флота в Воздушно-десантных войсках. В заседании приняли участие депутаты Госдумы России во главе с председателем Комитета по обороне Виктором Заварзинным, представителем аппарата Государственной думы, Совета Федерации и Счетной палаты Российской Федерации, статс-секретарь – заместитель министра обороны российской Федерации Николай Панков, командующий Воздушно-десантными войсками генерал-лейтенант Владимир Шаманов, заместители командующего и командиров соединений ВДВ.

Командующий ВДВ выступил перед депутатами с докладом «О результатах реформирования Воздушно-десантных войск». Он, в частности,

сообщил, что на сегодня ВДВ имеют отвечающую современным требованиям организационно-штатную структуру. Удельный вес боевых войск составляет более 92% от общей численности ВДВ – самый высокий показатель в Вооруженных Силах Российской Федерации. Одним из основных проблемных вопросов в ходе реформирования ВДВ является необеспеченность 2551 военнослужащего жильем. Однако командующий отметил, что в соответствии с решением начальника расквартирования и обустройства Министерства обороны – заместителя министра обороны для планируемых к увольнению в 2010 году в ходе организационно-штатных мероприятий военнослужащих ВДВ передано под заселение 858 квартир.

Виктор Заварзин в свою очередь сообщил, что несмотря на проблемы в ВДВ, их состояние остается на высоком уровне. Войска способны выполнять в полном объеме поставленные перед ними задачи.

ТЕНДЕНЦИИ

ПРАЖСКИЙ ДОГОВОР ПО СНВ: ЧТО ДАЛЬШЕ?

«ПОДВОДНЫЕ КАМНИ» НА ПУТИ УГЛУБЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ МОСКВОЙ И ВАШИНГТОНОМ

Новый Договор по СНВ, опубликованный недавно американский Обзор ядерной политики – наглядные доказательства позитивных сдвигов, наметившихся за минувшие 12 месяцев в отношениях двух ядерных сверхдержав. В то время как подписанное в июле 2009 года на саммите в Москве «Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений» свидетельствовало не только об определенном прогрессе в начавшемся диалоге России и США, но и о значительных проблемах, которые предстояло решить.

Окончание на стр. 02

РОСОБОРОНПОСТАВКА ПЕРЕДАНА МИНИСТЕРСТВУ ОБОРОНЫ

Президент России Дмитрий Медведев подписал указ «Вопросы Федерального агентства по поставкам вооружения, военной, специальной техники и материальных средств».

Документом установлено, что данное федеральное агентство находится в ведении Министерства обороны РФ (с 2007 года оно было в ведении правительства России и подчинялось премьер-министру). Утверждено также положение об агентстве. В новообразованном ведомстве разрешено иметь пять заместителей руководителя, а также до 30 управлений по основным направлениям его деятельности. Предельная численность работ-

ников центрального аппарата – 980 человек (без персонала по охране и обслуживанию зданий), работников территориальных органов – 120 человек.

Правительству РФ поручено установить фонд оплаты труда работников вышеуказанного ведомства, решить вопросы, связанные с размещением агентства и его территориальных органов, а также с организационно-техническим обеспечением, социально-бытовым, транспорт-

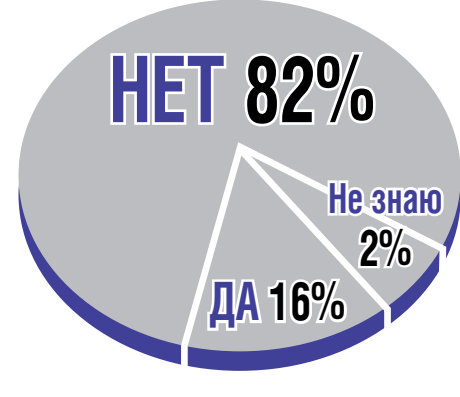
ным, медицинским и санаторно-курортным обслуживанием.

Российское правительство также должно представить в Госдуму проект федерального закона о внесении изменений в законодательные акты РФ в связи с образованием Федерального агентства по поставкам вооружения, военной, специальной техники и материальных средств.

Рособоронпоставка была создана в 2007 году по предложению министра обороны Сергея Ивано-

ва. Это гражданское ведомство, ответственное за покупку вооружений для Российской армии. Предполагалось, что люди без погон смогут справиться с задачей обеспечения Вооруженных Сил эффективнее военных.

Первым возглавил агентство генерал-лейтенант Александр Денисов. В мае 2008 года во время формирования нового состава правительства РФ руководителем был назначен бывший директор ФСКН Виктор Черкесов.

ТЕМА

В 70-е ГОДЫ НАША СТРАНА
УПУСТИЛА ШАНС
НА ПОСТЕПЕННУЮ МОДЕРНИЗАЦИЮ

ОЧЕРЕДНОЙ «ШТУРМ» НЕИЗБЕЖЕН

Михаил ХОДАРЕНКО

Хотел начать с того, что многие из нас, граждан РФ, являются участниками самой выдающейся модернизации в истории России. И эта модернизация произошла 20 лет назад. Ничего подобного ни по значимости, ни по масштабности нельзя найти в прошлом нашей страны.

Евгений САВОСТЬЯНОВ, генеральный директор ЗАО «Столичная нефтяная компания»

Что же касается проблем, связанных с модернизацией, то я намерен подойти к ним несколько иначе, а потому задам вопросы: а может ли Россия обойтись без радикальных перемен и что с ней произойдет, если их не будет? Мне кажется, что без неспешного, но серьезного изменения и экономических, и управленческих механизмов, без принятия системы ценностей западного образца нас ждет постепенная африканизация. Однако времени у нас осталось мало и поэтому грядет очередной «штурм».

Мы должны ясно понять одну, хотя и крайне неприятную для нас вещь. Россия находится сегодня в стадии стратегического отступления. Стратегическое отступление – это такая же область военного искусства, как стратегическое наступление и т. д. Им надо управлять. И логику, и основные этапы, и приемы этого отступления надо вырабатывать заранее и не пытаться играть в другую игру. Шахматисты знают, когда начинаешь стремиться к победе в партии, в которой ты еще не терпешь поражение, но уже не имеешь ресурсов для наступления, ты эту партию проиграешь.

Мучительно тяжелая необходимость осознания нашего нынешнего отступления должна быть тем не менее конструктивной и отталкиваться от ряда объективных реальностей и базовых соображений.

Первое. Демографическая деградация нашей страны. Как количественная, так и качественная. В XX веке наши соотечественники наделали немало фатальных глупостей, вызавших отток и утрату родной страной значительной доли просвещенного и предприимчивого народа. Это и большевистская оккупация России, и ужасы связанной с ней Гражданской войны, и массовые репрессии, и «утечка мозгов» последних 20 лет, когда выправление вышеупомянутых ошибок приходилось осуществлять в режиме форсе-мажор да еще и «с белого листа» никому не известных алгоритмов. Ну и количественный спад: сейчас население России на 12% меньше, чем 100 лет назад. А впереди – неизбежное сокращение его численности еще на 20–30 процентов.

Второе. Отступление требует отказа от многих амбиций и по возможности занятия менее протяженной линии обороны. В нашем случае сюда же надо еще приплюсовать и переход от следования умозрительным концепциям и идеалам к руководству исключительно практическими соображением: что выгодно нашему народу.

Третье. Закат Европы – это уже не фигуральное понятие (вулкан Эфьятлакуль сделал его вполне практическим). Она сама по себе не может быть единственной мощной базой, на которую мы как цивилизация могли бы опереться. До XX века это было возможно, но сейчас, когда Европа перестала быть субъектом и превратилась в объект международных отношений, для нас гораздо важнее иные азимуты: Арктика,

исламский юг, китайский восток. Об этом уже говорили некоторые эксперты, отмечая, что главным интересом и главной целью российской внешней политики должно стать движение в сторону сближения с Соединенными Штатами вплоть до создания военно-политического союза с ними в не слишком отдаленной перспективе. Последнее крайне важно и для модернизации страны.

В настоящее время существуют три типа цивилизаций – цивилизация конкуренции/технологий, цивилизация доктрин, цивилизация выживания. Россия уже 20 лет движется по принципу «шаг вперед – шаг вбок – шаг назад», переходя из второго состояния к первому.

Это, собственно, и есть суть и цель нашей вынужденно «штурмовой» модернизации. В России подобные броски вдогонку происходили неоднократно и всегда характеризовались:

- инициативой сверху. Все модернизации инициировались прогрессивной частью правящей элиты, а ее основными оппонентами являлись консервативные силы той же правящей элиты, народ же кряхтел и подчинялся;
- активным привлечением западных технологий. Например, в период сталинской реконструкции по технологиям американского проектировщика А. Кана были построены более 500 советских предприятий, включая Сталинградский и Челябинский тракторные (читай – танковые) заводы;
- ускоренным обновлением правящих элит. Чем чаще будет происходить смена более или менее подготовленных элит, тем лучше. Это история пресловутого Моисея, который водил свой народ по пустыне до тех пор, пока не обновил управленческую элиту радикально. К сожалению или к счастью, но без такой ускоренной смены собственной управленческой элиты нам тоже обойтись будет невозможно;
- радикальной дебиюрократизацией общества, особенно в двух сферах – права и экономики. Останутся подконтрольными и послушными суды – модернизация не состоится. Останется бизнес под властью больших и малых начальников – модернизация потерпит крах;
- государственным стимулированием ускоренной амортизации и ростом фондов накопления. Фактор загнивания наших основных производственных фондов, о котором много говорится, – это действительно признак нашей близорукости. Если страна хочет догнать, ее накопления, ее амортизационные отчисления должны быть больше, чем в других странах, а у нас они меньше. Конечно, немудрено, что в результате мы импортировали технику в начале 90-х годов из США, а сегодня – уже из Китая. Это факт состоявшийся;
- политикой «открытых дверей» для специалистов из лучших компаний и университетов мира. Для этого необходимо улучшение отношения к иностранцам в нашем народе, которое возможно лишь после соответствующей установки сверху;
- оздоровлением страны. Наше население стареет и, к сожалению, продолжает спиваться. И если сверху не будет последовательно осуществляться борьба за оздоровление народа, увы, ничего не получится.

СССР в середине 70-х годов упустил шанс на мягкую модернизацию, опьянев от избытка нефтедолларов. Та же угроза реальна и сейчас. Время углеводородной энергетики уходит. К тому же, как чертик из табакерки, в последние годы высочили новые технологии и в самой углеводородной энергетике: производство газа из сланцев и нефти, из битуминозных песков. Деньги можно провост и пропить. Это очень приятно, но в долгосрочном плане невыгодно. Деньги можно пустить на трудную пахоту. Это неприятно, но внуки скажут за это спасибо.

В принципе вопрос, возможна ли модернизация в России, скорее трюизм. Формулу Гераклита «Все течет, все изменяется» не отменишь. Таким образом, модернизация неизбежна. Но вот та модернизация, что нужна России, – необходимая цель, но не данная необходимостью. Достижение этой цели выглядит все более проблематичным с каждым годом, с каждым днем упущенных возможностей.

У академических экономистов есть правило: одно выступление – одна мысль. Так что у меня будет одна мысль про то, откуда мы ждем модернизации.

Константин СОНИН, профессор Российской экономической школы

Эта мысль нехитрая, как все мысли академических экономистов, и состоит она в том, что в основе любой модернизации лежит борьба за власть. А борьба за власть – это нечто, что есть всегда, в любой стране. Борьба за власть есть в демократиях. Борьба за власть есть в диктатурах. При любом режиме люди хотят командовать другими людьми, хотят получать побольше денег, славы и т. д.

НУЖЕН СПРОС ОБЩЕСТВА НА ПЕРЕМЕНЫ К ЛУЧШЕМУ

Что такое борьба за власть? Борьба за власть – это построение коалиции, которая разделяет твои политические цели, которая сильнее, чем коалиция тех, кто твои политические цели не разделяет. Возможные коалиции состоят из индивидов. У них есть интересы, они могут быть организованы в какие-то группы, предпринимать какие-то действия коллективно. Для создания коалиции политику нужно уловить интересы разных групп и пожать тысячи рук, организовав эту коалицию на практике.

В демократических странах мы видим эту деятельность по построению коалиций буквально на экранах телевизоров. Чтобы провести реформу здравоохранения (отвлечемся на секунду от вопроса, в какой форме ее стоило бы провести и посмотрим только на практическую реализацию), будущему президенту США Бараку Обаме нужно было выступить в сотнях городов во время избирательной кампании, пожать десятки тысяч рук, поддержать десятки отдельных конгрессменов в их округах. Выиграв выборы, он

получил мандат на проведение реформы, но это явилось только началом процесса изменений.

Обаме потребовалось приложить еще массу усилий, чтобы в конгрессе его поддержало необходимое большинство. Президенту пришлось съездить в округа к тем законодателям, которые были не согласны с реформой, выступить там, на кого-то нажать, кого-то пригласить лишний раз на прием в Белый дом. Те группы интересов, которые поддерживали реформу – а конкретный законодательный пакет и был выбран так, чтобы ее сторонники оказались сильнее своих оппонентов, – потратили немалые деньги на рекламу нововведений в тех округах, где конгрессмены колебались – выступать им за предложения Обамы или нет.

Так происходит любая реформа. Просто в демократических странах этот процесс хорошо виден. Но если вы посмотрите не на демократических лидеров, а на самых авторитарных – на Ленина, Сталина, Хрущева, Кастро – это все будет в точности то же самое.

Я работаю с историками, занимающимися исследованиями Большого террора 1937–1938 годов, и видел, как они обсуждают документы, которые перестали быть секретными в течение последних лет. Например, они изучают журналы записей визитов к Сталину в этот период. Для того чтобы проводить массовые репрессии – а это огромная политическая реформа, полная смена власти в сущности, «кремлевскому горцу» приходилось каждый день встречаться с Ежовым, руководителем госбезопасности. Чтобы ежедневно просматривать списки не только тех, кого «стирали в лагерную пыль», но и тех, кого нужно назначить на освободившиеся места. Это огромная и кропотливая повседневная работа – делать так, чтобы твои сторонники преобладали над твоими политическими противниками. Если ты член Политбюро и назначил на освободившиеся места не тех людей, то это потом может тебе дорого обойтись.

Любая модернизация – хорошо распространенная объединяющая тема для построе-

МИФЫ ПРОПИТАННОЕ ГОРДОСТЬЮ ЗА «БОГАТСТВО РЕСУРСАМИ» ГОСУДАРСТВО ОКАЗЫВАЕТСЯ НЕКОНКУРЕНТНЫМ НА МИРОВОМ РЫНКЕ ТРУДА

О «ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРЕИМУЩЕСТВАХ»

По своему базовому образованию я филолог и достаточно долго занимался историей русской общественной мысли конца XVIII и первой половины XIX века. То есть того времени, когда вопрос, звучащий сегодня: «Является Россия Востоком или Западом?», был сформулирован и находился в центре общественной дискуссии.

Кирилл РОГОВ, заведующий кафедрой общественно-политических коммуникаций Академии народного хозяйства при правительстве РФ

Мне довелось прочитать огромное количество текстов, в которых также ставилась задача или звучали призывы «понять Россию», ее место. И в общем, оглядываясь сегодня на историю России, на историю этих дискуссий, прихожу к выводу, что данные вопросы являются абсолютно не инструментальными. Мы можем бесконечно спорить: кто мы – часть Европы или нет?

Собственно, у нас в стране это обсуждается бесконечно. Но из любых ответов абсолютно ничего не следует, кроме возможности следующего тура дискуссий. И оставаясь в этой парадигме, нельзя принять никакого решения. Нельзя определиться с тем, что делать.

Надо иметь в виду, что родились эти вопросы в определенную историческую и культурную эпоху. Это романтизм и предромантизм, когда в европейском общественном сознании формировалось понятие «нации». И они остаются в этой эпохе. Императрице Елизавете Петровне показалось бы дикостью, если бы ей сказали, что Россию «надо понять». Чего тут понимать? А вот для Екатерины, немецкой принцессы на русском троне, это уже казалось чем-то осмысленным, потому что национализм начал исподволь фор-

мироваться как политическая и культурная идеология.

В нашей дискуссии, с одной стороны, звучат призывы «понять Россию», а с другой – мы слышим алармистское отношение к российской современности в докладе Владислава Иноземцева (см. «ВПК» № 16, 2010. – Ред.). Так вот, мне представляется первый подход совершенно не инструментальным для того, чтобы понять, «что делать», а алармистский подход представляется мне, напротив, крайне полезным, инструментальным. Этот алармизм – не историософия, а аналитическая операция.

Я не считаю, что у России нет будущего. Япония была побеждена во Второй мировой войне, ее территория составляет всего два процента от территории Российской Федерации, там нет практически никаких природных ресурсов, а между тем ВВП Японии в два раза больше российского. Так что все возможно.

Но инструментальность алармизма для меня заключается в том, что он позволяет выйти из парадигмы мифологизации наших преимуществ. Гордость собственным прошлым хороша, но бесполезна при решении

вопроса о будущем. И прежде всего нам необходимо понять собственные слабости, реальные ограничения, понять, что мы не сможем сделать и не сделаем, чтобы расширить себя и реально посмотреть, что возможно в нашем положении и куда должны быть и могут быть направленные основные усилия.

Мы же, напротив, склонны черпать в прошлом мифы о наших «естественных преимуществах», и эти мифы в сущности оказываются дестимулирующими, контрмодернизационными, если угодно. Мы долго считали, что изобилие ресурсов является нашим естественным преимуществом и оно до некоторой степени автоматически обеспечивает наше будущее. Теперь популярно стало говорить в этой связи о высоком уровне образования. Эта сосредоточенность на наших преимуществах постоянно мешает нам сосредоточиться на наших недостатках.

Взгляд в прошлое России очень важен в том смысле, что позволяет увидеть главную закономерность. Наша страна терпела на протяжении веков поражение при попытках перейти к интенсивным моделям развития. Эти неудачи всякий

УСИЛИЙ МАЛО

ния коалиции с целью захвата власти. В каком-то смысле это вообще тривиально. Любое изменение во власти – изменение status quo. Однако вовсе не обязательно модернизация в нормальном значении данного слова. Бывают смены власти, которые приносят настоящему демодернизирующие изменения. На мой взгляд, самый стандартный пример демодернизации – это пример Гитлера, потому что всего за несколько лет – от его прихода к власти и до 1937 года – Германия прошла путь от безусловного лидера мировой науки к отсталой в интеллектуальном отношении стране. И в научном плане она никогда уже не вернется к тому, что было потеряно за этот краткий период.

Тем не менее модернизация – это более распространенная вещь, чем демодернизация. Модернизация происходит из-за того, что на них есть большой спрос. Много людей хотят перемен. И кто-то, видя это, видя, что можно как-то этих людей объединить и победить потом своих политических конкурентов с помощью тех, кого он возглавил, может использовать этот спрос

для захвата власти. После чего наступают перемены.

И наоборот – модернизации без физической смены людей, находящихся у власти, не бывает. Неудивительно, что не удается подобрать реальные примеры модернизаций без смены политического руководства страны. Это точно укладывается в простенькую схему: спрос на перемены – коалиция для захвата власти – перемены. Однако есть одна фундаментальная проблема и состоит она в следующем.

Сильные коалиции получают тогда, когда политики видят то, что нужно людям, на что есть спрос, и то, что нужно сильным группам и слабым группам. Они видят, какую коалицию они могут сформировать. Вспомним Франклина Делано Рузвельта: к власти его привела довольно причудливая коалиция из самых бедных американцев, самых богатых и южан.

Не хотите смотреть на Рузвельта – взгляните опять-таки на Сталина. На протяжении всей своей карьеры это политик исключительно, фантастически чувствительный к интересам

разных социальных групп населения.

Вместе с тем, чтобы получить власть и сменить это самое status quo, нужен спрос на перемены. Плохие новости состоят в том, что у нас, похоже, спроса на модернизацию нет или точнее – его мало. И в 1985 году, и в 1991-м потребность в переменах была огромной, а сейчас ничего похожего нет. Или, возможно, мы не можем ее пока почувствовать.

К счастью, есть две хорошие новости.

Первая состоит в том, что спроса ни на что особенно плохое – перемены, как показывают примеры Гитлера и Сталина, могут быть и к худшему – вроде бы тоже нет. То есть, например, Движение против нелегальной иммиграции упирается в точно такое же отсутствие у широких масс российских граждан желания что-то коренным образом преобразовывать. Эта социальная апатия тормозит позитивные изменения, но и защищает от негативных.

А вторая хорошая новость в том, что спрос на изменения к лучшему имеет тенденцию к накоплению. По мере накопления трудностей.

Михаил ХОДАРЕНКО

В бесконечных спорах о том, что такое Россия – Европа или не Европа, для начала нужно было бы договориться о каких-то критериях цивилизационной идентификации. Для меня таким критерием является культура в широком смысле этого понятия.

Алексей АРБАТОВ, член-корреспондент Российской академии наук, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН

Вульгарный марксизм низвел культуру до второстепенного атрибута по сравнению с экономикой и государственной надстройкой и совершил тем самым большую ошибку. Между тем экономический и политический строй могут меняться, а культура – это нечто самое базовое, основополагающее, что определяет психологию, цивилизационную идентичность и во многом – исторический путь нации. В данном плане российская культура – стопроцентно европейская. Такой она была и при царях, и при большевиках, и в 90-е годы при Ельцине, и сейчас.

Российская литература, музыка, искусство – это такая же неотъемлемая часть европейской культуры, как и европейская культура есть неотъемлемая часть русской культуры. Тут просто нет никакого различия. И точно так же и для китайцев, и для иранцев при любом их строе, кроме узкого круга интересующейся интеллигенции, русская и в целом европейская культура была бы столь же чужда, как и для нас непонятна и чужда, за исключением малого числа специалистов, культура этих стран. Вот это для меня базис при подходе к теме.

Мне кажется, что тот путь, который прекрасно охарактеризовал в своем выступлении Андрей Зубов (см. «ВПК» № 16, 2010. – Ред.), все-таки не является хождением по кругу. Он представляет собой хождение по некоей спирали, не всегда ведущей вверх. Бывали случаи, когда эта спираль резко обрывалась и вниз. И Андрей Зубов привел такие примеры. Но все-таки это спираль. Сейчас мы видим все недостатки нынешней организации общества, экономики и государства России. Но все-таки по сравнению с ситуацией, сложившейся даже 20 лет назад (не говоря уже о более отдаленном и страшном прошлом), как мне кажется, мы находимся на гораздо более высокой ступени развития. Маленьким, но показательным примером того служит хотя бы наше нынешнее собрание и обсуждение, которое трудно было бы себе представить 25 или 30 лет назад.

Перед страной действительно стоят огромные по объему задачи. Кроме Москвы и Санкт-Петербурга мы остаемся во многих отношениях очень отсталым обществом и отсталым государством. И речь идет не только о душевом ВВП, не только о продолжительности жизни, но о самых элементарных, прозаических вещах. Катастрофической проблемой остается жилье для очень большой части населения. Мы имеем больше всех в мире запасов природного газа, но половина страны у нас не газифицирована. Мы имеем больше всех в мире запасов пресной воды, но у нас нет современной канализации в громадной части страны –

ЧТОБЫ НЕ СТАТЬ ПРИДАТКОМ ЗАПАДА...

НАША РОДИНА МОЖЕТ БЫТЬ ВЕДУЩЕЙ ДЕРЖАВОЙ МИРА

не говоря уже о селе, ее нет даже в провинциальных городах. У нас гигантская территория, которой мы гордимся, но по протяженности высококачественных дорог мы уступаем Бельгии, Швейцарии, этим крошечным государствам, которые не на каждой карте можно разглядеть. И я считаю, что заниматься надо именно этими проблемами и делами. Именно по ним в конечном итоге будут судить нас те, от которых мы ждем и требуем уважения: не Уго Чавес, Ахмадинежад или Ким Чен Ир, а правящие круги США, Евросоюза, Японии, в ближайшем будущем – Китая, Индии и многие другие новые индустриальные страны. Никакое количество ракет, танков и самолетов не заменит названных атрибутов современной страны и не принесет нам искомого уважения. Потому что мы часть европейской цивилизации и судят нас по ее стандартам.

Но в последнее время, к сожалению, весьма ярко проявляется тенденция заниматься другим – или звать нас снова в имперские походы ради величия державы, или восклицать: оставьте нас в покое с вашей модернизацией, оставьте все как есть и так хорошо. Понятно, что кому-то, может быть, и хорошо. У нас теперь сложился интересный новый класс или группа, которую по аналогии с США можно назвать неоконами – это бывшие либералы, которые в свое время приветствовали демократизацию, гласность, перестройку, демократические преобразования. А сейчас они уже приобрили и газ, и жилье, и автомобили, и хорошие дороги, чтобы ездить в свои загородные особняки. И им вполне хорошо. Но вдобавок им хочется теперь чего-то более захватывающего: имперского величия державы, глобальной геополитической игры за сферы влияния, рынки сбыта и источники сырья. Газ, канализация, дороги, налаживание мало-мальски приличной для европейской страны жизни за пределами двух столиц и богатых кланов в провинциях – все это для них слишком прозрачно, скучно да и вряд ли получится. Зачем возиться с детскими онкологическими больницами, подавай нам авианосцы и базы за рубежом – вот это захватывает дух и придает смысл однообразно благополучной и сытой жизни. Тем более если что – воевать и умирать не им и не их детям.

Почему сейчас наблюдается пессимизм в отношении всех проектов и призывов руководства к модернизации? Он вполне объясним, потому что пока это в значительной степени профанация. Пока эта авторитарная модернизация сводится к тому, что в свое время кто-то из наших сатириков определил так: трудно менять, ничего не меняя, но мы попробуем. Однако постепенно, как мне кажется, растет осознание того, что авторитарная модернизация бесперспективна. А то, что Андрей Зубов говорил об истории, проявляется и сейчас – имитационная модернизация, не затрагивающая основ общества.

Не согласен с Андреем Борисовичем только в одном: что для нас в лучшем случае обеспечено место некоего мало-мальски благополучного придатка Европы. Я убежден, что мы можем быть ве-

дущим государством Европы, а вместе с ней – всего мира. И залогом этого являются те миллионы наших соотечественников, прежде всего молодых, которые сейчас уезжают за границу и продвигают там самые передовые технологии и самые передовые новации. Нужно задаться вопросом: почему они делают это там, а не здесь? В этом и есть ключ к решению всех проблем. В этом наше отличие от китайцев, других азиатов, от латиноамериканцев, которые едут на Запад учиться, а после этого остаются там работать или возвращаются в свои страны, но не вносят вклад в инновационное развитие. А наши едут туда и продвигают там самые передовые сферы науки, техники, инновационной экономики. Нужно создать им условия здесь, чтобы они все это деляли в России.

Что для этого необходимо предпринять?

Если по-коммунистически запретить страну, они никакой инновацией тут заниматься не будут, как не занимались ею в СССР, а спивались, фарцевали или бездельничали на рабочем месте. Нужно нечто совершенно иное. Наверное, сейчас буду говорить банальности, но все-таки перечислю главные условия, потому что лучше в сотый раз повторить правильную мысль, чем первым сказать глупость.

Прежде всего не обойтись без неприкосновенности собственности – материальной, финансовой, интеллектуальной. Но для того чтобы существовала такая неприкосновенность, требуются не просто хорошие законы – никакие законы без четкой правоприменительной практики роли играть не будут. Для этого должны быть в наличии независимый суд и арбитраж. Однако для того чтобы действовали независимый суд и арбитраж, а не телефонное право, требуется нормальное разделение властей. Вот как раз этого сейчас нет, все подавила бюрократическая «вертикаль» и «управляемая демократия». А для разделения властей нужны все-таки политический плюрализм, гражданское общество, свобода СМИ. Может, все это – банальности. Но без них никакой модернизации не получится и не помогут никакие госкорпорации и искусственно насаждаемые (как раньше кукуруза) новые технологии.

Только на этом пути, я считаю, мы можем в достаточной короткие сроки выйти на те рубежи, которые имеют в виду, когда говорят о модернизации, а именно – достичь европейского уровня социального, экономического, культурного и государственно-правового развития. Модернизация снизу невозможна, а сверху – будет фарс. Сверху можно только освободить все еще огромную творческую энергию нашего народа и направить ее на качественное улучшение жизни каждого гражданина и всей страны. Так поступил царь-реформатор Александр II, так начал делать Петр Столыпин – и результаты сразу были потрясающими, но трагический зигзаг истории сбил Россию с правильного пути. Этот путь, вернее, его фундаментальный принцип – единственный возможный не только для процветания, но и для выживания страны в XXI веке.

раз были компенсированы успехами на ниве экстенсивного развития – расширение территории, колонизация, освоение новых ресурсов. Это то, за счет чего мы довольно долго и относительно успешно существовали. Проблема заключается в том, что варианты экстенсивной экспансии, какой-то традиционной экспансии сегодня неактуальны. Формы экспансии в современном мире радикально изменились. Это формы гибкие и мягкие – экономическая экспансия, экспансия институтов, экспансия инноваций. Но они требуют очень интенсивного развития. Страна должна что-то экспортировать на мировой рынок, экспортировать некие know-how, чтобы поддерживать такие формы экспансии, в противном случае она становится исключительно территорией импорта и объектом чужого экспансионизма. Суверенитет – это не периметр государственной границы и не ограничение деятельности иностранных некоммерческих организаций. Сегодня суверенитет – это место на мировом рынке развития.

И в этом смысле для меня и самое модное слово ныне – «модернизация» – тоже выглядит недостаточно операционным. Я не очень понимаю, что такое модернизация. И мы видим, что все не очень понимаем. Одни говорят: модернизация – это вот так, другие возражают. Какая модернизация: социальная, институциональная, технологическая? Мы рискуем завязнуть в этом так же, как в вопросе: «Восток мы или Запад?». Гораздо более операционным для модернизации представляется мне прямолинейный вопрос: а что мы будем экспортировать? Ответ на него – это уже площадка для проекта, для экономического проекта, для

проекта развития. Понять, что экспортировать. И пытаюсь ответить на него реалистично, мы обнаружим, что все очень непросто, что баланс преимуществ и недостатков выглядит довольно неутешительно и многие возможности для нас совершенно перекрыты.

Так, например, разговоры об избытке ресурсов ведут к тому лишь, что ожидания общества относительно нормального для нас уровня доходов, представления о возможностях страны хронически завышены. И этот недостаток с лихвой перекрывает собственно преимущественные наличия этих самых ресурсов. Пропитанное гордостью за «богатство ресурсами» страны, общество ориентируется на высокие социальные стандарты, производя при этом минимум добавленной стоимости своими руками. В результате общество оказывается неконкурентным на мировом рынке труда, переработка становится слишком дорогой, нормальную рентабельность дает только простое извлечение и продажа ресурсов на внешний рынок.

Поэтому не очень понимаю, что значит «стать индустриальным придатком Европы». У нас относительно высокие затраты на труд, их необходимо сократить. Нам придется очень существенно уменьшить государственные расходы, чтобы сделать налоги низкими, причем относительно уровня Восточной Европы, а не развитой Европы Западной. Уже не говорю об административных и коррупционных издержках.

Рассуждая в этих категориях, мы приходим более или менее к осознанию того, что мы страна со сравнительно небольшим населением, относительно маленькой экономикой, высокими затратами на труд и высокими

стандартами потребления, а кроме того – с избытком территории, что является (при относительно небольшом населении) дополнительной инфраструктурной проблемой. Если посмотреть холодно и рационально на возможные пути развития России в XXI веке, то, мне кажется, модель направляющаяся сама собой и мы тем или иным путем к ней все равно придем. Наиболее перспективный путь – это создать здесь такие социально-экономические условия, чтобы сформировались интенсивные потоки миграции в Россию. Это по сути означает продажу территории, но продажу на внутреннем рынке. Это понизит стоимость труда, увеличит объем внутреннего рынка, снизит относительные издержки на инфраструктуру, изменит базовое соотношение доходов от извлечения и продажи ресурсов (они останутся неизменными) и доходов от прочих видов деятельности (они в связи с ростом населения вырастут), фактически перекроет для нас возможность экстенсивной ресурсной модели развития. Это не избавит от решения проблемы, что же все-таки мы будем продавать на внешних рынках, но по крайней мере создаст определенные предпосылки для успеха в ее решении.

Хочу напомнить, что в 70-е годы казалось, что Китай погибнет из-за перенаселенности, что выхода у него нет и будущего нет. Через 30 лет Поднебесная сумела сделать это своим главным конкурентным преимуществом. И в общем, нам тоже надо сегодня увидеть, как самые глубокие проблемы и ограничения нашего развития можно превратить в конкурентное преимущество.

Коллаж Андрей СЕДЫХ